

*В саду тенистом святая дева,
Как черный лебедь в объятьях смерти,
Псалмы читает благоговейно,
Смиренно жребий свой принимая.*

*Как будто вторя ее молитве,
У кромки моря орган вознесся,
И торжество тех аккордов звучных
Гремит над Римом, парит, витает.*

*И Афродита, восстав из пены,
Как орхидея светла, нагая
В восторге сущем от звуков дивных
В морской ракушке скользит по водам.*

*Заслышав песни волшебной ноты,
С оцепененьем расстался ангел,
А в адской бездне терзавший грешных
Нещадный пламень на время сгинул.*

*Благословенная Цецилия, являйся в видениях
Всем музыкантам, являйся и вдохновляй!
Взятая на небеса, спустишь, снизойди,
Вдыхая в смертных огонь бессмертный.*

У.Х. Оден,
Гимн ко Дню святой Цецилии

«Святая Цецилия!» — воскликнул он однажды вслух, совершенно непроизвольно.

...

Они шли в мартовских сумерках, но было тепло, как в июне, и радость юности настолько наполнила душу, что он почувствовал, что должен заговорить.

«Думаю, — произнес он, и голос задрожал, — что если бы я потерял веру в тебя, то потерял бы веру в Бога».

Она посмотрела на него с таким ошарашенным выражением лица, что он спросил ее, что случилось.

«Ничего, — медленно ответила она, — кроме того, что пятеро мужчин уже говорили мне такое раньше, и это пугает».

ПРОЛОГ

И вот она стоит, запертая за стеклянной стеной, сотрясаясь от безмолвного ужаса.

Снаружи только начинает брезжить рассвет, над Гудзоном небо заливается фиолетовой синевой, поверхность воды из серой становится серебристой, вьется утренний туман. Мир вокруг спокойный, словно ничего не случилось. Но она знает: ничто уже никогда не будет прежним.

Она опускает ошеломленный взгляд на платье, испещренное темно-красными пятнами. Руки почему-то липкие от крови... так много крови повсюду, такой ужасно яркой...

Ее начинает мутить. Нельзя думать об этом.

Она заставляет себя посмотреть в сторону — туда, где еще что-то осталось: толстая черная книга, апокалиптическая картина, золотая маска с пустыми глазницами. Нож. Облака за стеклом перемещаются — и лезвие ослепительно вспыхивает.

Она не хочет смотреть на то, что осталось на полу — на бесформенное тело, на растекающуюся лужу крови. Внутри поднимается тошнота. Нет: она должна положить конец этому кошмару раз и навсегда.

Саш Бишофф

Он лежит лицом к балкону — его тело в полутени, очерченное на фоне медленно светлеющего горизонта; нога выдвинута вперед, как у бегуна перед рывком. Словно это обычное утро, и он вот-вот поднимется, отправится на пробежку, а потом вернется с кофе, от которого в утренней прохладе исходит пар.

Вдалеке, на берегу, один за другим начинают гаснуть зеленые огоньки.

Теперь нужно действовать быстро. Время на исходе, а она все еще в смертельной опасности.

Она прижимает ладони к ушам, заставляя себя сосредоточиться на этом далеком, убаюкивающим шуме. Звук этого далекого, успокаивающего водоворота. Уходит внутрь себя: сорванный аккорд, поющий в тишине. Дышит.

Затем открывает глаза, разблокирует телефон, набирает номер.

«Пожалуйста, помогите мне, — шепчет она, и слезы начинают литься ручьем. — Человека ударили ножом. Он... о боже, я думаю, он мертв».

СЛАДКАЯ

1

Личные заметки: Дж. Гэбриэла

Пациент: Л. Крейн

Дата/время: 10 июня, 10:30 утра

Сеанс: 1

Сегодня новая кровь. Знаменитая актриса Лила Крейн.

Стыдно признаться, что я не был знаком с ее творчеством; быстрый поиск в *Google* показал, что я единственный живой человек, который не знает ее имени. Но Л была так мила, когда я признался в своем невежестве, почти извинялась за то, что так популярна. Судя по ее скромным манерам, никогда бы не подумал, что Л на самом деле икона.

Я практически не брал приемов. Вероятно, около года не консультирую новых пациентов (список ожидания нескончаемый). Когда получил запрос от Л, показалось проблематичным создать несуществующее окно просто из-за ее статуса знаменитости. Но узнав о текущем проекте Л и о том, что наше общение, скорее всего, будет недолгим, заинтересовался.

Первый сеанс. Л нетерпеливо вошла в офис, тепло пожала мне руку. Поначалу я был ошеломлен — ожидал увидеть сдержанную, утонченную звезду, — но Л оказа-

лась поразительно чистосердечна, почти по-детски наивна: свободное льняное платье, изящные босоножки, волосы аккуратно заколоты, ногти жемчужно-розовые. Я предложил чаю, она согласилась, затем скинула туфли и пристроилась на углу дивана. Упомянула, что меня очень рекомендовала Бриэль, ее близкая подруга.

Пока я ставил чайник, Л сказала, что заметила дипломы в холле; она тоже окончила Принстон. Мы подсчитали, что я старше на три года, так что, вероятно, был курс, когда мы пересеклись, хотя ни один из нас не вспомнил другого. Я удивился, что не слышал о б известной актрисе среди студентов, но Л объяснила, что не занималась профессиональной деятельностью до окончания учебы. Пару минут потратили на обсуждение общего прошлого, принстонских клубов и т. д. Спросил, комфортно ли будет работать вместе, несмотря на имеющиеся точки соприкосновения, Л ответила: «Да». Мы начали.

Л приступает к новому захватывающему проекту: феминистской экранизации романа Ф. Скотта Фицджеральда «Ночь нежна», режиссером которой стал парень Л — Курт Ройалл (его имя я, конечно, знал). Л также продюсер фильма и сыграет главную роль: Николь Дайвер.

Пришлось признаться в личном интересе: Фицджеральд не только мой однокашник по Принстонскому университету, но и любимый автор (я указал на книжные полки, посвященные его творчеству). Л от этого загорелась. Я добавил, что мне понравилась идея фильма, припомнил, что Фицджеральд сам написал сценарий «Ночь нежна», но его версия так и не была снята. (То, что следует ниже, является максимальным приближением к нашему обмену мнениями.)

— Похоже, вы настоящий эксперт! Мне стыдно признаться, что я только открываю для себя его творчество. До этого читала лишь «Гэтсби».

Я сказал, что, хотя «Гэтсби» немного устарел, тем не менее остается моим любимым романом. Читаю его каждый год.

— Не могу поверить, что мне повезло найти вас, — недоверчиво покачала головой Л. — Было бы замечательно получить ваши советы, когда я буду углубляться в его работу.

Хотя я мог бы бесконечно говорить о Фицджеральде, предложил переключить внимание на причины, по которым Л сегодня пришла. Спросил, почему, учитывая предстоящую роль в «Ночь нежна», она обратилась к психотерапевту именно сейчас.

Покраснев, Л объяснила, что у нее репутация актрисы-хамелеона, которая так глубоко вживается в образ, что становится почти неузнаваемым. Далее, учитывая предысторию персонажа Николь, Л сочла важным изучить травму собственного детства. Она обратилась ко мне, в частности, из-за моей специализации на проблемах, связанных с насилием в семье.

Я спросил, проходила ли она терапию в прошлом. Л ответила, что это впервые, она всегда вела активную жизнь и не считала это приоритетным. Затем добавила: «Вероятно, это означало, что я не была готова смотреть в лицо своей травме. Теперь готова».

— Смело с вашей стороны.

— Разве? — Она задумчиво склонила голову набок. — Я не считаю это смелостью. Это необходимость.

Здесь Л проявляет редкую степень рефлексии. Проницательна, красноречива, чрезвычайно серьезна. Весь наш разговор Л сидела в углу дивана, сосредоточенно нахмурив брови, затем внезапно широко распахнула глаза от осознания открытия, задумчиво стиснула паль-

цы. И все это время внимание Л было приковано к работе и к безукоризненному результату.

Я попросил Л рассказать подробнее о детской травме, на которую она ссылалась. Она ответила, что это связано с отцом. Я спросил об их отношениях сейчас. Л сообщила, что отец погиб в автомобильной катастрофе почти двадцать пять лет назад, когда ей было восемь.

— Он был пьян, — говорила она. — Но папа всегда был пьян. Я с трудом помню его трезвым.

— Он был за рулем?

Она кивнула.

— Вы можете рассказать мне, что произошло той ночью?

— Я не помню.

Я подождал.

— Ничего не могу вспомнить о той ночи, — объяснила Л. — Только то, что я была там.

— В машине?

— Угу. Вместе с мамой. — Л подула на чай, собираясь с духом. — То есть мне известны факты. Я знаю то, что написано в отчете. Было поздно, машин на улице было немного. Папа петлял по всей дороге. Очевидно, выехал на встречную полосу и столкнулся с грузовиком. Мать сломала обе руки и несколько ребер. Я потеряла зуб, и мне наложили кучу швов на лоб, щеку, подбородок. У меня все еще есть шрам — видите? Мы обе получили сотрясение мозга. Но папа потерял слишком много крови, ожидая приезда «скорой помощи». Они не смогли спасти его.

— И вы ничего из этого не помните?

Л покачала головой.

— Может быть, это из-за сотрясения мозга, но, так или иначе, та ночь остается темным пятном.

Мы остановились на центральном событии, связанном с тяжелой детской травмой. Раскрытие подавлен-

Сладкая теплая тьма

ных воспоминаний о том, как Л пережила гибель отца, могло бы иметь решающее значение для ее исцеления. Надеюсь, что за время, проведенное вместе, мы сможем восстановить их, пролить на них свет.

Перед завершением нашей сессии, я вернулся к фразе Л «смотреть травме в лицо». Спросил, что это значит.

Она взглянула на меня очень внимательно, и на мгновение мне показалось, что она видит меня насквозь.

— Мне нужно ваше честное мнение, — наконец, тихо заговорила Л. — Если кто-то сделал с тобой что-то невообразимо ужасное, сможешь ли ты когда-нибудь по-настоящему исцелиться? Или у тебя всегда будет шрам? Есть ли способ стереть его и, что более важно, лишить этого человека возможности снова причинять боль?

— А вы как думаете?

Л слегка улыбнулась.

— Я не знаю. Потому-то и пришла к вам.

— Что ж, я, конечно, верю в исцеление. Я не был бы психотерапевтом, если бы не верил.

— М-м-м. — Казалось, Л это не убедило.

— Шрамы исчезают, Лиля. Становятся менее заметными, и со временем даже можно забыть об их существовании. Они просто делаются частью вас, в конце концов вы не можете вспомнить, как выглядели без них. Мое профессиональное мнение, раз уж вы спросили, заключается в том, что, когда кто-то перенес травму, лучшее, что он может сделать, — изучить ее. Покопаться, попытаться понять. Как вы только что сказали, посмотреть ей прямо в лицо. Только поступив так, вы избавитесь от ее власти над вами.

— Джона... — Л пристально смотрела мне в глаза. — Как думаете, вы сможете помочь мне сделать это?

— Да, Лиля, — улыбнулся я. — Думаю, да.